

БРИЛЛИАНТ «ТЕЙЛОР-БАРТОН»

Необработанный алмаз был найден на шахте Premier Mine в ЮАР, недалеко от Претории. Он весил 241 карат (48,2 г) и был огранен знаменитым американским ювелиром Гарри Уинстоном. Мастер придал бриллианту форму груши. Вес в результате оказался 69,42 карата (13,884 г). В 1967 году бриллиант приобретен Анненберг Эймс — сестрой американского посла в Великобритании Уолтера Анненберга, миллиардера, занимавшегося издательским делом. Дама постоянно жаловалась, что страховка бриллианта обходится ей в \$30 тыс., а выходить в свет с этим бриллиантом она может не чаще 20 раз в год. Эймс решила продать бриллиант с аукциона. Аукцион был назначен в Нью-Йорке на 23 октября 1969 года. Драгоценностью заинтересовалась актриса Элизабет Тейлор. Она специально отправилась посмотреть на него в Швейцарию, где его показывали до продажи. Муж актрисы, актер Ричард Бартон, решил, что его максимальная ставка составит \$1 млн. Аукцион стартовал с \$200 тыс., желающих оказалось довольно много. Когда цена возросла до \$500 тыс., участников аукциона осталось всего девять, на уровне \$650 тыс.— двое. Когда цена выросла до \$1 млн, представитель Бартон сдался. Среди проигравших оказались султан Брунея и Аристотель Онассис. Победил же Роберт Кенмор из Kenmor Corporation, материнской компании ювелирного дома Cartier, заплатив \$1,05 млн.

На следующий день Бартон поручил своему адвокату купить у Cartier бриллиант за любую цену — хоть \$2 млн. Бартону бриллиант достался за \$1,1 млн и был подарен Элизабет Тейлор. Бриллиант Тейлор-Бартон был застрахован в Lloyd' of London на \$1 млн. Условия страховки были очень жесткими — Тейлор могла носить бриллиант только 30 дней в году, он должен был храниться в банковском сейфе, и при появлении с ним на публике актрису должна была сопровождать вооруженная охрана. После второго развода с Бартоном Тейлор в июне 1979 года продала бриллиант нью-йоркскому ювелиру Генри Ламберту за \$5 млн.

MICHAEL OCHS ARCHIVES / GETTY IMAGES

СДЕЛКИ НА СЛОВАХ

Крупнейший в мире центр огранки алмазов в бриллианты находится в бельгийском Антверпене. Следующий по значению — в Тель-Авиве. Многие гранильщики и торговцы — евреи, которые, спасаясь от Гитлера, хорошо усвоили истину: свои сбережения можно превратить в драгоценные камни, которые легко унести и легко спрятать. Ортодоксальные евреи с окладистыми бородами выглядят внушительно. Некоторые из этих знатоков Талмуда носят в карманах драгоценные камни на миллионы долларов. Торговцы крепко связаны между собой, а некоторые даже породнились. В расположенном на Манхэттене Diamond Club, главном центре торговли алмазами и бриллиантами в США, ежедневно заключаются сделки на миллионы долларов. Сделки заключаются исключительно словами и рукопожатием. Достигнутая договоренность закрепляется произносимыми продавцом словами «мазаль убраха» (то есть «удачи и божьего благословения»). Эти слова имеют силу подписанного по всем правилам контракта.

где заседал парламент. Проведя там половину недели, он возвращался обратно, чтобы посвятить время работе над финансовыми вопросами. На обратном пути он обычно заезжал на свой конный завод в Мауритц-Фонтейне.

В Йоханнесбурге Гарри построил резиденцию, ставшую украшением города. Там была собрана коллекция старинного китайского фарфора и редких гравюр XIX века с печатью голландской Ост-Индской компании, корабли которой открыли Кейптаун. Гарри скромно утверждал, что не является знатоком искусства: «Не то чтобы собирал коллекцию с исторической точки

зрения. Я ведь вообще не коллекционер в буквальном значении этого слова. Просто иногда покупаю вещи, если они красивы».

Выступая против правящей националистической партии, Оппенгеймер завоевал своим красноречием и остроумием репутацию оратора. Ежегодно, когда министр финансов вносил законопроект о новом бюджете, партия Гарри выдвигала его для выступления с критикой. Дебаты велись на двух языках — националисты говорили на африкаанс, юнионисты отвечали им по-английски. Оппенгеймер был единственным, кто удосужился выучить африкаанс, и коллеги по партии жутко ему завидовали, потому что были вынуждены дожидаться перевода не только речей оппонентов, но и самого Гарри.

Критика Оппенгеймером бюджета вызывала огромный интерес публики — все галереи в парламенте в такие дни были забиты до отказа. Жена

Оппенгеймер выступал против апартеида. Подчеркивал, что апартеид экономически убыточен, так как подвергает страну экономической и финансовой изоляции

Гарри обычно приглашала в Кейптаун своих друзей. Посещение выступления Оппенгеймера было всегда эффектным. В парламент съезжались дамы в роскошных шляпах и белых перчатках и мужчины во фраках. Картина напоминала оперную премьеру.

Одну из самых заметных речей Гарри произнес, когда правительство начало проводить широко разрекламированную программу борьбы с инфляцией, которая требовала серьезных экономических мер. Оппенгеймер спокойно заявил, что правительство само себе противоречит: с одной стороны, министр финансов заявляет, что инфляцию уже почти удалось победить, с другой — требует у парламента дополнительных полномочий для борьбы с ростом цен.

После окончания речи Оппенгеймера публика вставала и уходила, как будто закончился спектакль. Дамы возвращались к коктейлям и крикету, мужчины — на товарную и фондовую биржи.

Секреты управления

Гарри управлял своей империей через маленькую частную компанию в Йоханнесбурге — E. Oppenheimer & Sons, принадлежащую ему и его сыну Ники. И этой компании на бумаге принадлежало не так уж много: всего 8,2% акций Anglo American и 6,5% акций Mineral and Resources Company, в Charter Consolidated и De Beers — вообще ни одной. Эти четыре компании обеспечивали самое большое предложение алмазов в мире и, как говорили в конце 1980-х годов, «самое большое в некоммунистическом мире» предложение золота и платины. Секретом менеджмента Гарри было косвенное управление — через бесконечные холдинговые компании. В Америке, Европе и Австралии при его жизни даже не подозревали, что десятки тысяч компаний либо созданы, либо приобретены Оппенгеймером.

Гарри Оппенгеймер завещал свою империю семье. В том числе 40% акций De Beers и 2% акций Anglo American. В 2011 году семья решила продать свои акции De Beers за \$5,1 млрд — причем продать именно Anglo American. Все члены семьи, включая Ники и его сестру Мэри, заявили, что пришла пора искать новые сферы бизнеса, тем более что De Beers набрала много долгов и перестала приносить прежнюю прибыль. Ники Оппенгеймер сказал: «Приходит время, когда нужно отойти в сторону и дать другим нести твоё бремя» ●

AVUSA / GETTY IMAGES